

ЛЕТНЕЕ УТРО, ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

ПЛЯШИТ НЕ ХУЖЕ «ВИНИ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

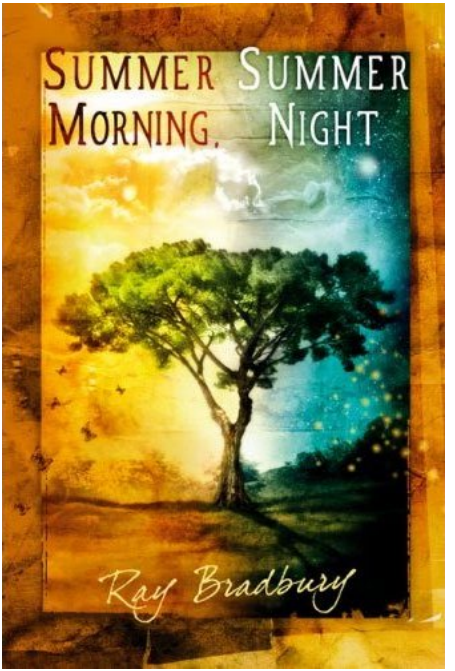
Кладбище
Рэй Брэдбери

Аннотация
Рэй Дуглас Брэдбери. Кладбище, или Склеп

Аннотация

Фрагмент из романа «Вино из одуванчиков».

Рэй Дуглас Брэдбери
Кладбище, или Склеп

Так уж было заведено. Каждое лето, в один из воскресных июльских дней, они усаживались в открытый автомобиль, с грохотом выруливали на сонные магистрали, потом сворачивали на грунтовые дороги, а там через леса — прямиком до кладбища «Грин-рэвин», где по правую и по левую руку, словно кегли, поднимались надгробья,

под которыми лежали родственники: тетушки и их дети, умершие ночью, дядюшки, скончавшиеся средь бела дня, отцы и матери, сестры и братья, которые хотели, когда вырастут, стать пожарными и медсестрами, а теперь лежали в гробах, забитых гвоздями и придавленных каменными крестами. Вот уже четыре года, оказываясь в этом месте, Чарльз убегал от родни, чтобы побродить в одиночку среди застывших от ужаса надгробий, потрясенных своим предназначением; он проводил пальцами по высеченным в камне буквам и с закрытыми глазами читал имена, как безмолвный брайлевский шрифт, шепотом выговаривая: «Б-Э-Н-Г-Л-И. Бэнгли! Умер в тысяча девятьсот двадцать четвертом». И дальше, дальше, к другим именам, к другим кладбищенским дорожкам. Четыре года назад он забрел в лощину и случайно наткнулся на это каменное строение: подергал дверь, обнаружил, что она не заперта, и шагнул в тишину. Ох как же перепугались тогда его тетки, как забегали двоюродные братья и сестры, когда его хватились. А он таился, сколько ему заблагорассудилось, и вышел сам, так и не сознавшись, где пропадал. Сказал, что просто хотел побегать. Ему задали взбучку, но дело того стоило.

Прячась в кладбищенском овраге, среди лет-

них бабочек и приглушенных зелеными мхами отголосков, он всякий раз слышал, как его зовут родные — выстроились вдоль неторопливого зеркального ручья и кричат, кричат, приложив ладони рупором: их голоса доносились до него по длинному горлу подземного русла. А он фыркал, не давая выплеснуться разбиравшему его смеху, словно закупоривал кувшин с водой. И убегал все дальше, петляя среди кладбищенских поганок, которые в полумраке летнего дня смахивали на куски белого сыра и лунного камня. В тишине оврага его шаги, точно дождевые капли, шлепали по мягким зеленым тропкам, и чем дальше он убегал, тем больше становилось имен на каменных плитах: Белтон, Сирс, Роллер, Смит, Браун, Дэвис, Брейден, Джонс, Лэкел, Никсон, Мертон, Беддоуз, Сполдинг. Царство имен и молчаний. А где-то далеко-далеко слышались крики его матери и отца, теток и двоюродных братьев с сестрами:

— Чарльз, Чарльз, Чарльз, Чарли, Чарльз!

Он остановился у того самого склепа, дернул дверь с бесполезным замком и проскользнул внутрь. А изнутри склеп этот походил на свадебный торт, причудливо украшенный и неправдоподобно восхитительный. Четырьмя окнами

смотрел он на четыре стороны света, на мшистую тишину, плакучие деревья и маленькие водопады, с трепетом сбегавшие по темному склону в подземное русло. Теперь по тропинке стайкой белых бабочек порхали его кузины с растрепавшимися соломенными волосами и блеском в глазах.

— Чарльз, Чарльз, Чарльз, Чарли!

Следом за ними поспевали его дородные тетушки, не на шутку встревоженные такими шалостями; от волнения они кружились и путались в белых юбках, которые развевались в неподвижном воздухе.

— Чарльз!

Шестьдесят лет солнце выжигало траву; шестьдесят лет осень раздевала догола деревья, шестьдесят лет зима сковывала ручей льдом и метила трещинами покосившиеся каменные плиты, пока ветра гонялись за холодами; шестьдесят лет весна расцвечивала свежие луга, где бабочки были пышными, как цветы, а цветы — бесчисленными, как бабочки.

И вот как-то осенним днем, когда небо дышало леденящим холодом, а ветер, поднимая с земли невидимые жестянки, гремел ими в летящих кронах, по тропинке, озираясь по сторонам, шла

немолодая женщина, совсем одна, тонкая, как тростинка, и высохшая до желтизны, как последний лист.

Остановившись у того самого склепа, она покивала головой и вздохнула. Потом приблизилась к заветному окошку и хотела заглянуть внутрь. Но на стекле толстым слоем лежала пыль, которую она медленными движениями, с дрожью в руках стерла тонким носовым платочком с цветочной каймой.

За окном, в безмолвном сумраке, она увидела мальчугана, который облокотился на высокий подоконник и глядел на нее и на тишину, на суровую осень и голую землю, и снова на эту старую женщину, вернувшуюся через столько лет. Она видела его голову, похожую на иссушенный плод, его хрупкую, истонченную временем руку и тонкие пальцы.

— Чарльз, — произнесла она в окно, отступив назад. — Чарли, я сегодня вспомнила о тебе. Впервые за долгие годы. Сколько же времени прошло? Шестьдесят лет. Я о тебе совсем забыла. Уже через год. Переехала в Филадельфию и все выбросила из головы. Мне казалось, это всего лишь сон. Потом я вышла замуж, родила детей, а теперь мужа моего больше нет, я живу одна, состарилась, мне сейчас

семьдесят, Чарльз, и вот сижу я нынче утром дома — год назад вернулась в родные края, — гляжу на небо, и вдруг как ударило. Все было как в бреду, я даже поверить не могла, вот и пришла сюда, чтобы убедиться. Теперь я вижу, что это был не сон, потому что ты здесь. А мне и сказать нечего.

Мальчик смотрел из окна сквозь запыленное стекло.

— Прости меня, Чарли, слышишь? Прости. Я знаю, уже слишком поздно, но ты прости. И выслушай, Чарльз, выслушай меня. Моя жизнь кончена, ее словно и не было. В семьдесят лет она видится как одно мгновенье. И теперь я пришла туда, где был ты и где остался навсегда; тебе больше неведомы ревность и ненависть, ибо всему есть свое время, и сейчас наступает мой черед.